ГЛАВА 6. ЯВЛЕНИЕ ЧАНЧУНЯ

Последующие три недели тянулись в обманчивом затишье — именно так, как и предсказывал Ваньянь Кан. Однако он прекрасно понимал: столь просто эта история не закончится. Чутьё заставляло его пребывать в постоянном напряжении, и вскоре реальность подтвердила его опасения. Сквозь ночную тишину он уловил едва слышимый, неестественный шорох над головой — кто-то двигался по крыше.

— Юэ, Фэн, следите за каждым моим движением. Приготовьте скрытое оружие, но не обнаруживайте себя без крайнего приказа, — негромко распорядился он.

— Слушаемся, господин, — отозвался Юэ.

Он понимал, что отговорить маленького принца не удастся, да и тот не запрещал им вмешиваться, просто требовал осторожности. Фэн, в свою очередь, лишних вопросов не задавал, полностью полагаясь на решение брата.

На коньке крыши, гордо выпрямившись, застыл даос. Его длинная иссиня-чёрная борода развевалась на ветру, он излучал силу, а за спиной виднелась рукоять длинного меча. Выйдя из покоев, Ваньянь Кан взглянул на незваного гостя, и в висках запульсировала тупая боль.

«Отчего именно он?»

Это был наставник прежнего Ваньянь Кана — Чанчунь-цзы, прославленный Цю Чуцзи. Лин Юй не ожидал его появления так скоро. Ему самому едва исполнилось четыре года, отец ещё даже не помышлял о поездке в деревню Нюцзяцунь… Как этот старик ухитрился найти его? Да ещё в такой острый момент? Определённо, этот даос нёс с собой одни проблемы.

В своей прошлой жизни Лин Юй не питал к Цю Чуцзи ни капли симпатии. Если отец, Ваньянь Хунле, не раскрывал ему правду о происхождении, потому что не мог этого сделать, а мать молчала, утопая в скорби по первому мужу и видя, как искренне Хунле любит её сына, то каковы были мотивы Цю Чуцзи?

Древние говорили: «Учитель — это тот, кто передаёт Путь, обучает ремеслу и развеивает сомнения». Но вёл ли ты себя как подобает наставнику? Ты, ненавидящий чжурчжэней всей душой, скрывал правду от мальчика долгие годы. Именно на твоей совести лежит то, что позже назвали «признанием врага отцом». Это ты не сказал ему всё вовремя, позволив восемнадцать лет верить, что его единственный отец — Ваньянь Хунле.

А когда правда открылась, несчастному юноше пришлось наблюдать, как оба его родителя гибнут прямо у него на глазах. Разве мог человек внезапно полюбить «настоящего» отца, который возник из ниоткуда и тут же исчез в объятиях смерти?

И что сделал ты, когда он остался один со своим горем? Не считаясь с его чувствами, ты требовал, чтобы он убил единственного человека, которого он считал близким? Того, кто по-настоящему, всем сердцем оберегал его. Для Цю Чуцзи обучение юноши боевым искусствам было лишь ставкой в пари. Всего лишь пари, не более.

Лин Юй почувствовал, как в груди вскипает волна яростного негодования. Он сделал глубокий вдох, усмиряя бурю внутри, и напомнил себе: «Ты больше не тот Ваньянь Кан. Цю Чуцзи для тебя — лишь посторонний человек. И ты уже всё решил. Посмотри, зачем он явился на самом деле. Теперь здесь ты, и тебе не страшны никакие маски».

— Позвольте узнать, почтенный даос, что вы забыли на моей крыше? — Ваньянь Кан заговорил осторожно, не ослабляя бдительности. Он помнил, как яростно этот человек ненавидит золотых чжурчжэней. Раз отец ещё не был в Нюцзяцуне, значит, у Цю Чуцзи иная цель, и уровень опасности сейчас запредельный.

Услышав голос, даос опустил взгляд и увидел маленького ребёнка в роскошных одеждах. Мальчик улыбался, в его позе не было и тени страха, но Цю Чуцзи не был обманут этой детской беспечностью. Он заметил тончайшие нюансы — ребёнок находился в состоянии высшей боевой готовности.

Даос нахмурился:

— На твоей крыше?

Приняв вид невинного дитя, Ваньянь Кан небрежно бросил:

— Если это крыша моих покоев, то чья же она, если не моя? Или, быть может, почтенный хочет сказать, что это он — князь Чжао Великой Цзинь? И это поместье принадлежит ему?

Цю Чуцзи вспыхнул от гнева:

— Бедный даос — не собака Великой Цзинь!

Он наполовину обнажил меч, намереваясь нанести удар, но тут же помедлил — перед ним был всего лишь младенец.

Лин Юй понял, что его обычная сдержанность дала сбой. Раньше он всегда держал дистанцию, не доверял людям, но неизменно соблюдал безупречный этикет, к которому невозможно было придраться. Видимо, в этом мире, ставшем для него реальностью, он просто не желал тратить силы на фальшивое дружелюбие по отношению к тем, кого презирал. А может быть, став Ваньянь Каном, он невольно перенял обиду за несправедливость, выпавшую на долю его предшественника.

Справедливости ради, Ваньянь Кан не сказал ничего оскорбительного, в то время как слова Цю Чуцзи были лишены всякого достоинства, подобающего его сану.

— О, так «собака» — это похвала? Я запомню. В таком случае, даос, вы — истинная собака Великой Цзинь! — Лин Юй смотрел на него взглядом, полным ангельской чистоты, чем едва не довел Цю Чуцзи до удара.

Старик так разъярился, что даже не заметил торжествующей искры в его взгляде. Не стоило думать, что внешнее спокойствие Лин Юя означает отсутствие зубов.

— Кто ты такой на самом деле?! — прорычал даос.

Кто он? Он больше не Лин Юй. Он никогда не был Ян Каном. Теперь он — Ваньянь Кан, наследник князя Чжао, сын Ваньянь Хунле. И никем иным он быть не желал.

— Когда спрашиваешь о чужом имени, не следует ли сначала назвать своё? Или в ваших краях совсем не учат приличиям? — Мальчик задал вопрос с детской простотой, но для Цю Чуцзи это прозвучало как жесточайшая насмешка. Взрослый муж из прославленной «страны этикета» поучаем ребёнком- «варваром»? Он побагровел.

— Школа Цюаньчжэнь, Цю Чуцзи!

«Так я и думал», — усмехнулся про себя Ваньянь Кан, сохранив на лице маску неведения.

— Не слыхал о таких. Но всё же — зачем даос Цю пожаловал в Поместье князя Чжао?

Цю Чуцзи не отличался терпением. Долгий разговор с ребёнком начал его тяготить, вызывая лишь растущее раздражение.

— Тебе этого знать не обязательно. Просто скажи, кто ты!

«Уже теряет самообладание? Оказался ещё вспыльчивее, чем я предполагал», — отметил Лин Юй. Юэ и Фэн уже были наготове. Хотя в оригинальной истории Цю Чуцзи считался мастером лишь второго эшелона, его сил с лихвой хватило бы, чтобы расправиться с телохранителями. Что ж, придётся рискнуть.

— Где это видано, чтобы гость врывался без приглашения и запрещал хозяину спрашивать о причинах?

Цю Чуцзи до боли сжал рукоять меча.

— Так ты…

— Я — Ваньянь Кан, Наследник князя Чжао Великой Цзинь.

В это мгновение Цю Чуцзи накрыла волна подавляющей мощи. Казалось, от маленького мальчика исходит истинно монаршее величие, властная аура, которую даос не встречал даже у императоров Сун или Цзинь. Осознав, что он, прославленный мастер, на миг оробел перед ребёнком, Цю Чуцзи пришёл в неистовство. С диким криком он сорвался с крыши, направив остриё меча в сторону мальчика. Но на полпути воздух пронзил свист летящих снарядов — скрытая атака заставила его сменить траекторию и приземлиться в нескольких шагах от Ваньянь Кана.

http://bllate.org/book/17543/1701139